

18+ Валентина Михайловна Басова

Ключевой воды глоток

Валентина Басова

Ключевой воды глоток

«Издательские решения»

Басова В. М.

Ключевой воды глоток / В. М. Басова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985914-3

Хочу искренне, от всего сердца, выразить слова благодарности и признательности замечательному человеку, благодаря которому мой сборник вышел в свет, — Марии Кравченко, а также председателю клуба «Зыбчане» Константину Фёдоровичу Попову. В книгу вошли рассказы, которые учат любить, сострадать, творить добро.

ISBN 978-5-44-985914-3

© Басова В. М.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Посвящения	8
Надежда Щипакина	8
Дмитрий Толкач	8
Василий Чонгонов	8
Любовь Федорова	9
Вячеслав Снопко	9
М. Бальзарайтене	10
Рассказы	12
Васильки	12
Возрождение	14
Встреча	16
Городской дождь	18
Дед Савелий	20
Дениска	22
Дорога верности	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ключевой воды глоток

Валентина Михайловна Басова

Благодарности:

Марии Николаевне Кравченко

© Валентина Михайловна Басова, 2020

ISBN 978-5-4498-5914-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Валентина Михайловна Басова родилась в 1947 г. в посёлке Шаля, Свердловской области. Окончив медицинское училище в городе Ревда и побыв старшей медсестрой в детском саду, уехала по комсомольской путёвке в Киргизию, где трудилась в республиканской психиатрической больнице. Потом переехала на родину отца в Белоруссию. Работала в г. Гомеле в областном роддоме. Там же познакомилась со своим будущим мужем Валерием, студентом института. После окончания им вуза по направлению уехали в г. Рославль Смоленской области. В 1974 году вернулись на родину супруга в г. Новозыбков Брянской области. Здесь работала медсестрой в районной больнице, затем косметологом. Вырастила дочь и сына, появились внуки.

Начала сочинять ещё в школе. Её первая творческая работа получила диплом на областном конкурсе в Свердловске. В Рославле активно включилась в творческую жизнь, участвовала как литератор и общественный корреспондент в работе литгруппы при редакции. Печаталась в районной газете «Рославльская правда», публиковала рассказы и статьи на общественные темы.

В Новозыбкове почти сразу влилась в литературное объединение «Колос» при газете «Маяк», руководил которым член Союза журналистов А. Г. Эпштейн. Участвовал в его работе и известный писатель, член СП СССР А. А. Жаренов, живший в то время в Новозыбкове. Под его попечительством получили литературную путёвку в жизнь не только она, но и многие ныне известные прозаики и поэты Брянщины.

После ухода в 1992 г. А. Эпштейна из литобъединения, В. М. Басова два года возглавляла «Колос».

С 1995 г. является руководителем литературной секции клуба культурных инициатив (ныне творческого объединения) «Зыбчане», более двадцати лет возглавляет которое Константин Попов. Регулярно публикует свои произведения в печатных органах клуба: альманахе

«Зыбь» и многотиражке «Зыбка», на литературных страницах районных и городских газет «Маяк» и «Новозыбковские вести», в межрайонном и областных альманахах «Дети славянского поля», «Литературный Брянск», журнале «Пересвет».

Сюжеты своих произведений Валентина Михайловна берёт из жизни. Её всегда интересовали людские судьбы, поступки людей. Первые рассказы «Серьёзный разговор», «Турсун», «Горные маки» были напечатаны в газете г. Ош Киргизская ССР. На Смоленщине появились «Возрождение», «Поляна судьбы», «Сердечный друг», «Маковка», «Семейное счастье». В Новозыбкове вышли в свет рассказы «Корни», «Сын», «Городской дождь», «Старый колодец», «Я строю дом», «Талый снег», «Встреча», «Дед Савелий» и др. Продолжает эту литературную линию и поныне.

Активно участвует в общественной творческой жизни. Награждена Почётными грамотами отдела культуры и администрации города Новозыбкова, медалью имени Н. В. Гоголя. Является победителем нескольких литературных конкурсов. Дважды становилась лауреатом общественной премии за творческие достижения «Серебряный колокольчик».

Константин Попов

Посвящения

Надежда Щипакина

В. М. Басовой посвящается

Её рассказов тонких вязь
Очарованием полна.
Не разорвётся жизни связь
С написанным. Вот так волна
Слов и надежд нахлынет вновь,
Чтоб мерить мерою добра
Сегодня, завтра и вчера
Поступки, жизнь, судьбу, любовь.

Дмитрий Толкач

В. М. Басовой посвящается

Дал Валентине Бог всё сразу —
Дал чувств высоких благодать,
Дал доброту, дал волю, разум
И дал изящество и стать.

Дал благородные манеры
(Достойна голубых кровей)
Дал чувство редкое ей – меры
Всё дал ей волею своей...

И, поздравляя с юбилеем,
Пусть долог будет жизни путь
Я так надеюсь, что согреют
Вас эти строки, хоть чуть-чуть

Всех благ Вам, радостей от сына
Я, в этой жизни непростой,
Желаю Валя, Валентина
Своею родственной душой.

Василий Чонгонов

В. М. Басовой посвящается

Отчего, отчего, я не помню,
Я живу на бегу, как в бреду.
На каком ты вошла перегоне
В мой плацкартный вагон и в судьбу.

Сколько времени мы были рядом,
Сколько раз было мне нелегко,
Сколько раз – поддержав меня взглядом
Не брала ты взамен ничего.

Сколько скрыто в душе твоей качеств!
Их никто никогда не открыл.
Сколько раз мне хотелось иначе,
Столько раз я себе запретил.

Чтоб ни делалось всё справедливо! Или зря?
Ни с того, что нельзя
Я ни разу не звал тебя «милой»,
Ты ни разу «любимым» меня.

Вот и всё. Подъезжаем к конечной.
На последнем отрезке пути
Расставаясь с тобою навечно
Не даю тебе права грустить.

Любовь Федорова

В. М. Басовой посвящается

Лукавая улыбка, смешливые глаза
Пусть осень наступает, но только не гроза
И легкою походкой пройдёшь ты много лет
И ещё долго будут смотреть мужчины в след
И старость не коснётся твоей молодой души
О добрых людях, милая почаще ты пиши
Твори, дерзай, работай
Желаю тебе сил
Проблемы и заботы
Легко переноси
Лукавая улыбка, смешливые глаза
И пусть их не коснётся прозрачная слеза

Вячеслав Снопко

В. М. Басовой посвящается

А знаете, по сути это Вы

Рецензором Вы стали моим первым.
Я помню те колдобины и рвы,
И тот потоп, взбесивший мои нервы,
Что выплеснули в ярости тупойя
Такой каскад эмоций несусветных
Что я не понимала, что со мной
Средь тысячи вопросов безответных
Вы-первый человек из чужаков,
Кому в мой мир я дверцу приоткрыла...
Вот как-то ж свёл Господь двух чужаков,
Когда стихами душу я лечила.
Так грамотно, тактично, деловито
Прочли Вы мои вирши, а в ответ
Вы мне тогда сказали: «Маргарита,
Пиши»... Вот я пишу уж тридцать лет.
А в жизни то барьер, то пересменка,
И каждый в ней своим путём идёт.
Та ваша справедливая оценка
Мне и поныне силы придаёт.

М. Бальзарайтене

В. М. Басовой посвящается

Клуб «Зыбчан» лихорадит, качает,
Взбудоражено «Стойло Пегасово» —
Нынче свой юбилей отмечает
Валентина Михайловна Басова.
Она уже немало лет
Одной литературой дышит,
И хоть сама лишь прозу пишет,
Душою тайною-поэт.
Её трудами гроздь талантов зреет,
И чтоб порыв их к творчеству не гас,
Пусть бьёт копытом и над клубом реет
Крылатый конь поэзии-Пегас.
Желаем нашей юбилярше
И о словесности радеть
И, становясь годами старше,
Душою-только молодеть.
Успехов творческих-«от пуза»,
Всех благ-на многие года,
И чтоб ей ветренная Муза
Не изменяла никогда.
Но если резвая подруга
«Налево» сбегает слегка,
То завести-ей «в пику» – друга:
Взамен той Музы-Музыка.
И в «Погребке», на дачной грядке,

Среди редисок и фасолей
Быть в неизменнейшем порядке-
Здоровой, бодрой и весёлой.

Рассказы

Васильки

Выйдя из автобуса на развилке дорог, Фёдор с любопытством огляделся. Дорога уходила вправо вдоль ржаного поля и у самого горизонта извивалась узенькой змейкой. Там, где она кончалась, начиналась деревня. Её крыши неясно проступали сквозь густую зелень садов. Над широким полем пел жаворонок, дорога струилась маревом, и небо под солнцем выцвело.

Передохнув, Фёдор по краю спеющих хлебов, весело насвистывая, направился к деревне.

По обочине дороги тут и там голубели васильки. Их было так много, что Фёдор не удержался и, приткнув чемодан у одинокого дерева, начал их рвать и сложил огромный букет. Он нёс цветы и улыбался, представив, как будет идти по улице с охапкой васильков, а народ смотрит из окон, выбегает за калитку и спрашивает:

– Это к кому ж такой парень пожаловал?

Так с огромным букетом, наконец, оказался он у калитки Наташиного дома, расположение которого девушка описала очень подробно в последнем письме. Калитка скрывалась в зарослях вишняка и сирени. Открыв её, Фёдор оказался возле небольшой хатёнки, двери которой были настежь открыты. Войдя в полутёмную комнатку, он в нерешительности остановился – в доме никого не было, на его зов никто не откликнулся. Вдруг в полумраке громко закуковала кукушка. От неожиданности Фёдор вздрогнул и про себя чертыхнулся, но возникшая при этом робость не улеглась, а ещё больше усилилась.

– Есть кто дома? – негромко позвал он и прислушался.

Во второй половине дома скрипнула кровать, послышалось старческое кряхтение. Невысокая старуха показалась из-за шторы и неласково спросила:

– Кто здесь, не вижу?

– Наташа Орлова здесь живёт? – не найдя ничего лучше, громко спросил Фёдор.

– Не кричи, я не глухая. Ты кто будешь? – старуха подошла поближе. Увидев чемодан, не удивилась, значит, ждали. – Ты с дороги? Приезжий?

– Приезжий, бабушка! – стараясь понравиться старому человеку, Фёдор говорил ласково и неожиданно сунул ей букет – хоть и не по назначению, а всё ж таки женщина. – А это вам!

Старуха с недоумением взяла васильки, как-то странно поглядев на парня, и с пренебрежением бросила их в угол к печке.

– Зачем столько сорняков в хату приволок? – повернулась и пошла за шторку, оставив смущённого Фёдора одного, и уже оттуда добавила, —А коли Наталья нужна, так она на ближайшей ферме, за яром.

Расстроившись такому обороту, Фёдор поставил на лавку чемодан и тихонько вышел из дома. Всё, о чём он думал и мечтал, вдруг показалось таким нелепым, ненужным, что ему стало не по себе.

...Наташа была его первой любовью. Конечно, девчонки у него были и до Наташи, но ни одна не зажигала так его кровь, что хотелось петь и смеяться, работать до седьмого пота, зная, что вечером увидит её вновь. Наташа приезжала на сессию, и они познакомились в институтской аудитории, и, поскольку факультеты у них были разные, то и виделись они только после занятий. Он полюбил её с первого взгляда и сперва не поверил, что она из деревни, так органично она вписывалась в городскую жизнь, словно всегда здесь жила, не терялась на улице, непринуждённо вела себя в кругу своих и его знакомых, была весёлой, пела и танцевала, как все. За месяц встреч, он так привязался к девушке, что не представлял, как будет жить без неё. И тогда у него возникла мысль жениться, чтоб не расставаться с ней никогда. Он сделал

ей предложение. В ответ Наташа рассмеялась, чем сильно обидела парня. Но она так искренне и беззаботно смеялась, что он, глядя на неё тоже начал хохотать, а успокоившись, всё-таки спросил о причине её смеха.

– Да я представила тебя на нашей улице после дождя в твоих фирменных кроссовках...

Она так и уехала, ничего определённого не сказав на его предложение, но на частые письма Фёдора отвечала. Быстро пришёл ответ и на его последнее письмо, в котором он написал, что приедет свататься. Наташа ответила весёлым письмом, даже шутивную схему нарисовала, как быстрее и легче найти её в родном селе. Окрылённый, помчался Фёдор навстречу судьбе, предвкушая радость Наташи и её родных, всё-таки не последний он парень. И вот никто не бежал ему навстречу, не радовался. Ещё эта сварливая бабка... и его букет из васильков... у них, видно, эти цветы не в почёте...

Фёдор прошёл через всю деревню, на краю, по мостику, перебрался через глубокий овраг, до самого дна заросший черёмухой и смородиной и, поднявшись на взгорок, увидел ферму. Он ускорил шаги и вдруг остановился, как споткнулся – невдалеке стояла Наташа и из-под руки смотрела на него. Она узнала Фёдора, уронила ведро себе на ногу, ойкнула и пунцово покраснела. Фёдор поспешил к ней, взял за руку. Он видел близко её ясные родные глаза, и невольная улыбка растягивала его губы.

– Приехал, значит? Ну, здравствуй! А я думала, соврёшь. А ты, значит, приехал... значит, не соврал... – Её упорное «значит» выдавало её волнение, которое тут же передалось и ему.

– Значит, не соврал, – подыграл он Наташе, чтоб скрыть собственное волнение.

– Девчата! – Вдруг громко закричала девушка. – Идите сюда! Фёдор приехал!

Девушки подходили чинно, подавали руку и тут же, смутившись, прыскали от смеха и прятались друг за друга. По всему было видно, что они в курсе Наташиных дел.

– Ну, пошли! – Наташа взяла его за руку и повела за собой.

– Куда мы идём?

– Как куда? – Наташа заговорила строго, но в глазах её плясали чёртики. – У нас сейчас дойка. Ты приехал свататься? Вот и привыкай. Я доярка, а ты сядешь на трактор. Корма станешь доставлять, навоз вывозить.

Она задорно тряхнула головой, отчего уголок её косынки взлетел, как бабочка.

– Наташа! – Фёдор укоризненно покачал головой. – Ты что, издеваешься надо мной? А ты, наверное, забыла, что мы с тобой в одном институте учимся? Я в следующем году заканчиваю, и готовый специалист. Я, между прочим, механик, думаю меня здесь с руками оторвут.

Он подошёл ближе, рывком притянул девушку к себе, обнял. Она, застеснявшись, подруг, упёрлась ему в грудь руками, высвободилась из объятий.

На следующий день председатель колхоза долго беседовал с Фёдором. А за перегородкой девчонки, нисколько не таясь, и не стесняясь присутствия чужого человека, со смехом рассказывали, как один влюблённый чудака принёс своей любимой целый ворох сорняков.

Фёдор лишь помотал от удивления головой – до чего же быстро здесь разносятся новости, добро б ещё хорошие, а то...

Отныне эти места и эти люди стали ему родными и надо учиться жить среди них, не обижаясь и понимая их. А с пониманием придёт и уважение, и любовь, и всё у них с Наташей будет хорошо.

Возрождение

Телефонный звонок поднял меня из постели. В трубке громко кричала и плакала Зинаида. Из беспорядочно отрывистых фраз я поняла, что в деревне сгорел дом, и мать в тяжёлом состоянии в больнице. Мне она позвонила первой, в надежде сразу услышать от меня готовое решение. Но от такой новости я растерялась и молчала. Зинаида снова заплакала. Я лихорадочно искала слова утешения, хотя в такой ситуации какие слова могут помочь?

– Зиночка, ты только сильно не убивайся, дом поставить поможем, а вот матери помощь нужна сейчас. Я что смогу, сделаю.

Я положила трубку. Час ночи... Сейчас куда-то звонить нет смысла, ночью такие дела не решаются. Уснуть я уже не смогла, с вечера осталась недописанная передовица в газету, попробовала поработать. но в голову ничего не лезло, пришлось отложить до утра. Так до рассвета и прослонялась по квартире, как неприкаянная. Нужно сегодня упросить редактора немедленно направить меня в командировку в Шумячи. Давно собиралась дать очерк о семейном экипаже комбайнёров Золотарёвых. Откладывала поездку со дня на день, а тут такой случай, заодно и Зинаиде постараюсь помочь, надо на месте посмотреть. что да как. Вот так всегда – в трудную минуту падёт духом человек, замрёт от горя, но достаточно совсем мелочи, чтоб ожила его душа и стала вновь деятельной.

Редактора уговаривать не пришлось, и я с фотокорреспондентом Мишей Волковым и плачущей Зинаидой выехала в Шумячи. Проезжая небольшую, уже потерявшую весеннюю воду речушку, увидели густые заросли отцветающей черёмухи. Потянуло в лес. В который раз с сожалением подумалось о том, как много теряет горожанин вдаль от такого неповторимого чуда – чуда природы, её первозданной красоты и мудрости. В городе человек черствеет душой, замыкается в четырёх стенах и, порой, не знает, кто живёт рядом на лестничной клетке. В деревне люди добрее, мудрее и не зависят от превратностей цивилизации. Размышляя, не заметила, как доехали. Запахло гарью. Глазам представилась страшная картина разрушения: от голубого весёленького домика ничего не осталось. Всюду валялась посуда и мебель, битое стекло и мокрая одежда. Яблони, росшие под самыми окнами, обгорели, огород был залит водой и вытоптан. Прекрасные розы и георгины – гордость хозяйки и радость – сломаны и уничтожены огнём.

Отец Зинаиды – Иван Никанорович – сидел за домом на потухшей головёшке. Увидев нас, не заспешил навстречу, как бывало, безучастно продолжал сидеть в той же позе, в какой мы его застали, лишь глазами повёл в сторону пожарища, и в этом движении почувствовалось большое горе старого человека. Зинаида бросилась к отцу, они обнялись и расплакались.

– Доченька, мама сильно обгорела! Умирает!..

Я увела старика к соседям, где мы его умыли и накормили.

На месте прежнего секретаря комсомольской организации колхоза сидел незнакомый парень, назвавшийся Женей. О пожаре он знал и даже помогал тушить, и мы с ним быстро нашли общий язык по организации нескольких субботников в помощь погорельцам. И хотя время было летнее, горячее, каждая пара рук на учёте, но Женя заверил, что помогут. Поздно вечером пришли двое рослых парней, натянули провод и поставили два прожектора.

– Ночами будем работать! – сказал один из них. – Днём все в поле.

В тот же вечер пришли комсомолыцы во главе со своим секретарём, из города по моему звонку приехали и наши с Зиной друзья. И закипела работа. До полуночи растаскивали остатки дома, обгоревшие брёвна сложили в одну кучу, доски в другую – пригодятся. Разобрали печь, расчистили всю площадку от мусора и ненужных вещей. Устали до чёртиков, но работу сделали большую и остались довольны собой. На завтра мы с Зиной поехали в районную больницу к матери, но к ней нас не пустили, так как она была сильно плоха и без сознания. Поговорив

с врачом и записав список необходимых лекарств, мы уехали в город. Через две недели мне в редакцию позвонил Женя и радостно сообщил, что привезли блоки для нового дома, и снова нужна наша помощь. В субботу, освободившись пораньше, я снова поехала в Шумячи. Дом ставили быстро. Иван Никанорович повеселел. Он, правда не верил, что мы до холодов сумеем поставить новый дом, но что будет к зиме иметь крышу над головой, был убеждён. Но больше всего радовало всех улучшение состояния здоровья Агафьи Антоновны. Она пришла в себя, и понемногу раны затягивались, она уже вставала и ходила по палате. А через месяц, ещё в бинтах, пришла из больницы. Увидев стены нового дома, разволновалась и расплакалась. Глядя на неё, разволновались и мы. Я увидела, как посерьёзтели ребята, подтянулись, почувствовали себя ответственными за судьбу стариков, хотя эту ответственность они взяли на себя сами и никто бы их не упрекнул, если б они в какой —то миг отказались помогать, ну, сделали, что смогли, и за это спасибо, но взвалив на свои плечи тяжёлый груз ответственности уже никто не смог бросить дело на середине. Не было уже скептика Анатолия, ставившего под сомнение даже любовь, исчезла куда-то грубоватость Виктора, решительным стал мягкий по натуре Олег.

Раньше мы часто собирались у кого-нибудь на чашечку кофе, вели длинные скучные разговоры, что-то друг другу доказывали, ссорились. Нас было много, но как-то каждый сам по себе. Сейчас передо мной стояли простые ребята, грязные, уставшие, но это были настоящие парни, способные на хорошие, добрые дела. И шутили они и смеялись от души. И работали на совесть. Познав радость настоящего труда, не за зарплату, они поняли, что способны на большое дело, ради другого человека. За лето дом был построен и отделан, среди парней нашлись и маляры, и штукатуры. Наконец, наступил торжественный момент, когда Виктор едва приметно заикаясь от волнения, распахнул дверь и пригласил хозяев в дом. Агафья Антоновна протестующее замахала руками.

– Нет-нет! Строители – первые гости.

Но всех опередил соседский мальчишка, незаметно прокрававшийся к двери. Протиснувшись между взрослыми, он юркнул в коридор и пустил через порог котёнка, который от страха жалобно замыкал. Все засмеялись и, толкая друг друга, протиснулись в ещё пустой дом. По размерам он был не больше старого, но потолок поднялся выше, окна шире, и весь он получился уютный, красивый и очень родной. Мы откровенно любовались своим детищем. Сколько сил и умения в него вложено! Сколько ему отдано свободного времени – выходных и отпусков! И вот он стоит, и будет стоять, независимо от того, какая судьба ожидает его строителей. Я с волнением смотрела на тех, с кем ещё недавно работала и видела: дом построен не только на земле, но мы возродились сами, дом построен у нас в душе, и это навсегда. Я была уверена – такие люди не слухают, не подведут и не предадут.

Встреча

Они сразу узнали друг друга, словно не было долгой, до обидного ненужной разлуки.

– Надюша, здравствуй! – Андрей бросился было навстречу высокой, статной женщине, но тут же остановился.

Женщина сама подошла, протянула теплую руку:

– Здравствуй, Андрюша! Приехала в ваш город по делам, захотела повидаться...

Андрей смотрел на неё и молчал. Тысячи слов, которые столько раз мысленно на расстоянии посылал ей, проносились в голове, а, увидев, не в состоянии был что-нибудь сказать. Обида, жившая в нем все эти годы, вдруг ушла, уступив место теплой нежности и благодарности.

– Что ты, Андрей? – улыбнулась Надежда, стараясь скрыть свое смущение. – Не узнаешь? Или постарела очень?

– Наоборот... Сразу узнал... Все такая же...

Она погрустнела, но ненадолго. Уже через минуту смотрела на Андрея ласково и выжидательно. Пробежавшие мимо ученики с любопытством оглядывались на своего строгого и скупого на эмоции учителя, лицо которого выражало крайнюю растерянность.

Надежда перевела взгляд на школьный двор, заканчивающийся большим садом. Здесь её принимали в пионеры, а в саду всем классом сажали смородину и вишни. Вон там, в дальнем углу они, девятиклассники, с Андреем посадили на память яблоню.

– А яблоня наша в цвету, – тихо сказал Андрей.

Надя изумленно обернулась: сейчас они думали об одном, вспоминали давно ушедшее.

После выпускного вечера договорились вместе поступать в педагогический. Андрей сдал вступительные экзамены. Надя – нет. И тут он растерялся, смалодушничал. Спотыкаясь на каждом слове, стал уговаривать ее уехать, твердил, что она умная, способная, надо только получше подготовиться. Думал, что год – это мало. Оказалось – много. Молодость не считает дней, думая, что впереди целая жизнь, и жизнь наказывает за это.

Тогда Андрей этого не знал. Казалось, что есть любовь, большая, сильная, и с ней он сделает много хорошего. А любовь не выдержала и самого первого испытания. Надя ждала не сочувствия и жалости, а дружеской поддержки, понимания.

Андрей остался, Надя уехала. Писала редко, скупо, а вскоре совсем замолчала. Только через год прислала длинное, сумбурное письмо. Сообщала, что поступила в педучилище и встретила настоящую любовь.

Обиженное самолюбие не позволило понять Надю. Андрей действительно постарался забыть. Даже известие о гибели Надиного мужа не всколыхнуло в душе никаких чувств.

– Ты счастлива? – Андрей посмотрел ей долгим взглядом в глаза.

Она слегка порозовела от этого взгляда, но ответила сразу и твердо.

– Счастлива. – И, помедлив, словно раздумывая, говорить или нет, добавила: – Хотя пришлось очень много пережить. Сначала умер сын, потом муж погиб.

Она говорила сухую правду. Ведь была счастлива работой, друзьями, общением с книгами, театром, растила дочь.

– Мы с дочкой много путешествуем, – продолжала Надя. – Побывали в Прибалтике, на юге, в Карелии, на Дальнем Востоке...

Она замолчала, задумалась. Андрей же не торопился, радуясь неожиданной возможности постоять вот так близко возле нее, вспомнить прошлое.

– Надя, почему ты оставила меня? – с грустью спросил Андрей.

Надя удивленно взглянула:

– Разве ты ничего из письма не понял? Не любовь у нас была, Андрей. Мы с первого класса вместе. Привыкли. Я и сейчас прибежала повидаться. А вот никогда не забуду, как тогда уговаривал уехать, словно боялся, что если останусь, помешаю, замуж запрошусь. Думал будет трудно...

– А с ним тебе было легко? – в упор спросил Андрей.

– С Алешей было легко. С ним беда – не беда. Он умел в трудную минуту подставить свое плечо, не боясь упасть от удара. И никогда не думал о себе. Будь другим, может, остался бы жив. Но другого не полюбила бы. А знаешь, Андрей, наша жизнь устроена так: если не ходить по земле равнодушно, то всегда найдется дело, за которое нужно бороться, кого-то спасать, что-то переделывать. Алеша был беспокойным...

Андрей слушал и удивительно ясно узнавал в характере Алексея черты самой Надежды. Представил, как она непримиримо спорит на педсоветах, вмешивается во все школьные дела, доказывает, кого-то защищает. Сколько ее помнит, она всегда была деятельной, непоколебимой в своей правоте, острой на язык. В классе мальчишки её побаивались и уважали за честность, учителя ценили за справедливость.

Все эти годы он считал её неудачницей, несчастливой. В институт так и не поступила, в замужестве прожила недолго... Вышло же всё наоборот. Не Надя, а он прожил эти двадцать лет без неё не так, как хотел. Правда, закончил пединститут, имел семью, а в душе пусто, нечем с людьми поделиться, обрадовать их. Она же со своими неудачами и обидами, с горем и радостью, несомненно, богаче, счастливее его во сто крат.

Он только теперь понял, что благополучие его видимое. Настоящим учителем так и не стал. Учителем, который мог бы научить детей понимать не только физику, но быть добрыми, мудрыми, видеть красоту неба, живые краски лугов и леса. Жил в семье, но не умел дать счастья близким людям, а значит был несчастлив сам. Хотел видеть в детях продолжение себя, а они незаметно выросли, отделились и жили своими интересами. Он был одинок.

– Нам еще можно все изменить! – с надеждой проговорил Андрей.

Надежда засмеялась, молодо и озорно. Потом посерьезнела, покачала головой.

– Нет, Андрей, не сердись. В молодости я по-своему рассудила. Теперь тем более ничего менять не стану. Мы уже седые. У тебя семья, да и у меня дочь – невеста. Нам сейчас не о себе, о детях думать надо. У нас с тобой общее только в школьных годах, а в остальном...

Она уходила быстрой, энергичной походкой, а он смотрел вслед и понимал, что теряет её во второй раз и теперь уже навсегда.

Городской дождь

Анна любила дождь. Тёплый, летний, с пузырями в лужах, с паром над асфальтом, с весёлыми зонтиками и весёлым смехом молодёжи, убегающей от дождя. Этот городской, дребезжащий по цветным зонтикам, просветляющий и обнадеживающий дождь вселял в неё какую-то непонятную веру в большие перемены. И хотя знала, что жизнь её прожита и нечего ждать, но всякий раз, глядя на весёлые струйки за окном, преображалась и снова видела себя молодой и красивой. Не было ни войны, ни вдовства, дети жили при ней все живые, и внук не пропал неизвестно куда. Выходила на балкон, подставляла под капель ведёрко, а потом умывалась дождевой водой и смеялась над собой: «Все грехи смыла святой водичкой, как в купели.» – И на сердце становилось светло и покойно, будто и вправду смывала прохладная вода все печали.

В это лето дождей было много. И Анна, радуясь ярким сполохам, не пряталась, как в детстве, в душевной ванне, не крестилась, а садилась на диванчике возле окна и, взглядывая на тёмное небо, шептала, будто с живым существом, разговаривала с дождём:

– Хорошо-хорошо! Давай, земля вода просит, жито скоро поспеет! Давай, не ленись.

Всю жизнь прожив в городе, она тем не менее в душе считала себя деревенской и из детства сохранила в памяти хлебные просторные поля и всё надеялась вернуться туда.

В воскресенье она встала позднее обычного. Всю ночь нестерпимо ломило ноги, она не знала, куда их положить, и лишь к утру немного полегчало, и она неожиданно уснула, как провалилась. Ей снился жаркий полдень и бескрайне поле в ромашках, на том конце поля стоял человек и рукой манил её к себе. Она шла по этому полю, задыхаясь от жары и жажды, а человек не приближался и всё так же издали звал её. Она выбилась из сил, но не на сантиметр не приблизилась к нему... Проснувшись, долго лежала, не шевелясь, отдыхая от утомительного сна и прислушиваясь к шуму дождя. Вспоминая сон, устало думала, к чему бы это. Утренние мелкие хлопоты отвлекли её ненадолго, но к вечеру подробности сна всё назойливее всплывали в памяти, принося с собой неясную тревогу и предчувствие чего-то нехорошего.

«А что может быть плохо в моей жизни? – невесело думала Анна. – Смерть? Ну что ж, пожила на свете и довольна. Деньги и смертельное давно приготовлены, лежат в уголке шкафа. Татьяна, соседка, знает, где взять... Болезнь? Вот этого бы не надо!» Больше всего боялась Анна свалиться и стать людям в тягость. Бросить не бросят, а всё-таки обуза. Но каким-то своим мудрым чутьём угадывала Анна, что не отсюда идёт её беспокойство. Тогда что? Откуда? Не радовал и дождь. Сегодня он нудно лил с самого утра, в комнате было сумеречно и тихо, капли монотонно стучали по железу оконного козырька.

В дверь позвонили Прихрамывая, поспешила к двери. На пороге стояла молоденькая девушка, из-за её плеча выглядывала соседка.

– Телеграмма вам, бабушка! Распишитесь, – девушка протянула её беленький листок и ручку. Отдавая телеграмму, горестно и сочувственно покачала головой. Протиснув в узком проходе своё полное тело, Татьяна вошла в комнату, и пока Анна закрывала дверь, накапала в стаканчик сердечных капель. От предчувствия беды, Анна бестолково топталась возле стола и никак не могла найти очки. Наконец, сунула бумажку Татьяне

– Читай!

– Сергей утонул. Похороны пятого. Оля.

Анна с недоумением посмотрела на соседку и вдруг улыбнулась

– Слава Богу, пронесло! Я уж думала для меня что страшное... Ну и напугали!

Татьяна с испугом положила телеграмму на скатерть и протянула Анне лекарство. Но та с досадой отстранила стакан и удивлённо поглядела на неё.

– Ты разве ничего не поняла, Таня? Не мне это... Нету у меня ни... ко... го... – и осеклась.

Глаза её расширились от внезапной догадки, ужас остекленил их и затуманил. Татьяна молча, но настойчиво напоила её каплями, глядя на старушку, заплакала от жалости.

– Внучек! – наконец, смогла произнести Анна помертвелыми губами, а потом едва слышно добавила. – Родненький!..

Они просидели вдвоём остаток вечера. Анна вспомнила всю свою трудную и нерадостную жизнь, раннее одиночество, тоску по близким и эту необходимость жить и за детей и за внуков. А утром, как о давно решённом, она заявила Татьяне, что поедет на могилу внука – один он там на чужой стороне, отвезу родной земли. И как ни пугала её Татьяна дальней дорогой и пересадками, Анна осталась непреклонной – мир не без добрых людей, помогут. Вестей от Анны не было долго, и Татьяна совсем уж собралась заявить в милицию, как однажды утром её разбудил невероятный шум и рёв на лестничной площадке. Толком не одевшись, выскочила за дверь. Возле квартиры Анны были свалены в кучу узлы и чемоданы, стояли и ревели ребятишки. Увидев чужого, примолкли, и только настороженно жались друг к другу.

– Чьи вы? — Удивлённо разглядывая малышей, Татьяна пыталась их успокоить.

В это время раздвинулись дверцы лифта, и помолодевшая Анна вытащила тяжёлый тюк. Увидев соседку, обрадовалась.

– Помогай скорей, Танюша!

Они носили тяжёлые вещи и сгружали их где попало. Тут же толклись и ребятишки, но больше мешали, чем помогали, и в этой кутерьме было весело и шумно. Вечером, когда во многих окнах погас свет, дети были покормлены, помыты и уложены спать, Татьяна с Анной сели на кухне. За весь день они так и не поговорили и теперь Татьяна просто сгорала от любопытства.

– Ну, рассказывайте. Что это вы надумали!

– А что рассказывать... Приехала, а их четверо, голодные, Вера, жена Серёжина, от горя прямо рассудком помутилась, повешусь, говорит, разве я вытяну такую ораву одна? Я и говорю, а чё ж одна-то, а я ещё на своих ногах, как-нибудь проживём... Вот и приехали. А она-то, Вера-то, баба хорошая, работающая, ничего, проживём!

– Ох, Анна, такая семьяца, их ведь обузь-одеть!..

– Я вот тут сидела-рядила – всё одна да одна, а их целых четверо родных кровинушек, да как же я их бросить-то могла. Не могла. Проживём!.. Знаешь, старшенький на моего Ваню сильно похож, а уж Леночка – вылитая Серёжа. Мне теперь помирать никак нельзя, надо Вере помочь поднять ребят, а там уж как-нибудь и без меня управятся. Нет, Танюша, я буду жить долго, – и она засмеялась дребезжащим смехом.

А Татьяне почудилось, что за стеной с облегчением вздохнула усталая мать. Дождь за окном пел свою ласковую и мирную песню.

Дед Савелий

Дед Савелий сидел на скамейке под окнами своей старой, как он сам, хатенки и блаженно жмурился на солнце. Был он маленький, сгорбленный и сухой, как кочерыжка. Никто не знал, сколько ему лет. Зато Савелий помнил в деревне всех. Он с одинаковой живостью рассказывал и про помещика, и про первые легковушки, что появились в селе, про цветной телевизор и революцию, про войну, в которой пришлось участвовать, про правнучку, которая училась в Тимирязевке.

Савелий днями сидел на улице и, независимо от погоды, был одет в стеганные бурки с калошами, коротенький тулупчик и овчинную шапку с опущенными ушами.

– Дедушка, жара такая, а вы в тулупе, – недоумевали пробегавшие на речку ребяташки.

– Ничаво, – важно отвечал дед уже в пустую улицу: ребята давно промчались мимо. Лишь облачко пыли медленно оседало на горячую дорогу.

Савелий любил поговорить, но в жаркую пору сенокоса село будто вымирало, и ему в друзья оставляли облезлую кошку с отмороженным ухом, да ленивого пса Тимку, спавшего в тени крылечка.

– Ишь ты, погода кака ядрена установилась, – говорил дед довольно. Кошка на это никак не реагировала, а собака сонно мела хвостом. – Да-а! Ране-то бывалоча, пойдешь косить да все по росе, коса-то вжикает, а травушка па-а-ахнет страсть как вкусно! А теперича, э-эх, все машины стучат да воняют... А травушка-то, поди, хороша нонче!.. – не дождавшись ответа, дед задремал.

Через улицу от закрытого на замок магазина к Савелию шел высокий молодой мужчина с черным блестящим чемоданом, металлические ободки которого сверкали на солнце, как зеркало.

Мужчина подошел, неслышно поставил чемодан на скамейку и громко выкрикнул:

– Здравствуй, дед!

Савелий приоткрыл один глаз:

– Ась? Почему так кричишь? глухой что-ли?

Мужчина сел рядом и, улыбаясь произнес:

– Ты чего, дед, как на северный полюс собрался?

– Дожжик будет. Косточки мои все так и ломит, ажно суставчики выкручивает.

– Какой дождь? – удивился мужчина. – Перекрестись, дед. На небе ни облачка.

– Чичас не, а ночью непременно дожджик прольется. А ты кто ж таков будешь? По обличь, вроде не нашенький.

– Я Михаил Пантелеев. Родился здесь.

– Васьки Пантелеева сынок?

– Нет, дед. Я его внук.

– Внук? Ну да, тот должен быть постарше. В городе живешь?

– В городе. Вот навестить приехал. Отдохнуть тут у вас хочу. Здесь тихо.

– Нешто летом в деревне отдыхают? – искренне удивился Савелий и как на чудо уставился на Михаила голубыми влажными глазами. – Эвон сколько работы, а ты отдыхать. Бери-ка, паря, литовку, да жарь на Займище. Травушка там, помню, добренная была. А как сойдет с тебя соленькая водичка, вот уж опосля и отдохнешь. Нельзя отдыхать не поработавши. Понял?

– Дед, я в городе работаю. А теперь у меня отпуск. Ясно? – терпеливо начал объяснять Михаил, но дед перебил его.

– Отпуск? Ишь чего придумал.

– Меня с работы по закону отпустили. Вот и гуляю.

– Гуляешь? Зачем гуляешь? Робить надо в такую-то пору. Вот я не могу литовку держать, силов нет. А то бы сам пошел. Я знаешь, как косил! Никто со мной в паре не становился. Замотаю. Охо-хо! Годочки мои! А так бы охота ишо травку-то пошуговать, да вилами-то ещё бы побаловаться. Стога-то умеешь метать?

– Не умею. Я ж давно городской.

– А в городе-то что, мясо и молоко не едят?

– Едят. – досадливо согласился Михаил. Ему уже начинал надоедать этот разговор, а въедливый дед вызывал раздражение. – Только мы в городе для вас машины делаем, а вы городу даете мясо и молоко. Вразумел, дед?

– Вразу-умел, – протянул Савелий. Его глаза смотрели на Михаила с сожалением, как на тяжело больного. – Так ты и не ведаешь как скошенный клеверок пахнет? Не пивал ядреного кваску в самую жару? И с зарей не вставал? Э-эх, паря...

Дед потряс головой, отчего завязки на ушах шапки затрепетали, запрыгали в разные стороны, и враз потеряв к собеседнику всякий интерес, надолго задумался, видимо задремал.

Михаил огляделся. Добротные деревянные дома под железом и шифером образовали ровный ряд деревенской улицы. Было много садов, а в палисадниках цветов. Трава росла густо и зелено, и лишь колея дороги выделялась ровно посередине. Большой магазин чуть выступал вперед из этого ряда, но не портил, а как бы дополнял деревенский пейзаж. Радовала глаз и новая школа на косогоре, выкрашенная в нарядный салатный цвет с асфальтированными дорожками и клумбами.

– Все хорошо, – вздохнул Михаил, – но скука здесь, видимо, невообразимая. Надо было на юг податься с ребятами. Звали. Так нет же, ностальгия по деревенской жизни замучила. Михаил взялся за чемодан.

– Дед, бывай. Пошел я.

– Иди, милоч, иди, – не открывая глаз разрешил старик.

Михаил прошел мимо колодца со стареньким скрипучим журавлем, обогнул лежавшую на дороге козу, и уже не оберегая начищенных ботинок, запыллил в конец улицы.

Как и предполагал, дом оказался на замке, но пошарив по памяти в знакомом месте, нашел ключ, отворил двери. От занавешенных окон в доме было полутемно и душно. Он оделся в спортивный костюм и через плетень перелез в огород. Буйно цвела картошка, ровные рядки грядок с морковью и свеклой, луком и горохом остро резанули по сердцу, напомнили о далеком детстве, когда было голодно и морковь считалась наилучшим лакомством. В груди тоскливо заныло.

«Фу ты, черт! – ругнул он себя. – Действительно ностальгией заболел».

Пройдя в конец огорода, он разделся и лег в траву. На все лады трещали кузнечики, будто точили косы. И эти страдают. – подумал он.

Далеко на горизонте появилось невесомое, едва различимое облачко.

«А дед, пожалуй, наворожил дождь. Вот старый колдун. И позагорать нельзя будет. А сено-то успели сметать? – неожиданно для себя с тревогой подумал Михаил. – Может и впрямь пойти на луга. Вот мои старики обрадуются».

Михаил пружинисто вскочил, торопливо оделся и бегом побежал к сараю, словно вдруг испугался, что может не успеть. В сарае нашел старые грабли с потерянным зубом и, радуясь неизвестно чему, вышел из калитки.

Неприметная тропинка вывела его к полю. «Вот хитрый старик, быстро же он меня перевоспитал», – довольный собой засмеялся Михаил. А над полем всюду пели жаворонки. Они радостно трезвонили, словно приветствуя Михаила.

Дениска

Дениску первый раз привезли к морю. Глядит он с берега, сидя на песке на высоком обрыве, а оно без конца и без края. Песок горячий, и мама каждый раз расстилает ему широкое цветное полотенце. Жарко, потому что здесь солнце печёт целый день. Дениска постоянно хочет пить, а мама заставляет есть, но от еды и жары его постоянно тошнит. На пляже папа втыкает в песок четыре палки, сверху натягивает покрывало и своё сооружение называет тентом. Под тентом не так жарко, но зато скучно. Дениска боится моря, хотя не признаётся в этом никому. Он подходил к самой воде, которую здесь называют волной, и играл с ней в догонялки. Волна почти всегда обманывала его и лизала ему пятки. И так день за днём: то полежит под тентом, то поиграет с волной. Зато маме спокойно – не утонет.

Три последних года Дениска ездил к бабушке в деревню. Каждый день они с ней ходили на пастбище доить корову. Туда шли ромашковым лугом, и он собирал букетик полевых цветов, и пока бабушка доила свою бокастую Зорьку, скармливал ей принесённые цветы. Молоко журчало, наполняя подойник. Дениска стоял перед бурёнкой и то правой рукой, то левой гладил ей морду, а она то жевала свою жвачку, то переставала жевать и вздыхала. И тогда из больших ноздрей на маленькую Денискину ладошку падала широкая ласковая струя тёплого воздуха. Малыш невольно вздрагивал и отдёргивал руку.

Ещё у бабушки был кот Кешка, рыжий и нахальный. Ел, что дадут, но больше всего, как и Дениска, любил тёплое парное молоко и терпеливо дожидался их с дойки, сидя на веранде возле своей миски. А поев, долго и старательно мылся лапкой. Вечером, ложась спать, Дениска брал кота с собой в постель, и тот мурлыкал ему сказку – одну и ту же, но всё равно славную, тёплую, сонную. В комнате тихо. Только слышно, как в ближайшем пруду квакают лягушки, кузнечики стрекочут под окном, да иногда собака гавкнет для порядка.

С псом Чарликом Дениска подружился на другой день после приезда. Сначала он его побаивался, хоть бабушка и говорила, что пёс добрый, но всё равно было страшно. Собака лежала возле будки, положив морду на лапы и внимательно смотрела на мальчика умными глазами. Наконец, Дениска решился, подошёл, несмело погладил его по ушам. От прикосновения лёгкой детской руки пёс зажмурился от удовольствия и замёл хвостом по земле. А был он не из тихих. Лаял много и охотно. Лаял даже на кота Кешку, хотя кот не какой – то там лентяй и лежебока, а серьёзный работник, старый и уважаемый в доме не меньше Чарлика за то, что ловко ловит мышей и уже пять лет рассказывает бабушке сказки долгими зимними вечерами. Но громче всего Чарлик лаял на поросёнка Борьку, когда бабушка выпускала его во двор. Борька был толстый и противный и норовил развалить будку Чарлика, когда принимался чесать об неё бока или рыл своим пяточком всё вокруг.

Хороший милый пёсик! В прошлом году он сильно поранил лапку, когда бегал с ними на речку полоскать бельё. Наступил где-то на стекляшку. Из раны текло много крови, и Дениска сильно испугался, но бабушка успокоила, что собаки умеют лечить себя сами. Чарлик лежал в будке, зализывал рану, жалобно скулил и совсем не лаял даже на поросёнка. Дениска взял кусочек сахара и подошёл к псу, но не стал его тормошить и тискать, а тихонько залез в будку и лёг рядом. И лапы больной не трогал, даже погладить не решился.

– Ешь, Чарлик, сахар, вкусно! И лапка твоя быстро заживёт.

И пока Чарлик не от голода, а из вежливости, хрустел сахаром, Дениска смотрел на него и не заметил, как уснул, и бабушка потом долго искала его и звала, бегала по деревне, и мальчишки обегали все им известные места в поисках, но так и не нашли. А потом, проснувшись, Дениска сам вылез из будки, и бабушка плакала от радости, и они все вместе смеялись над этим происшествием.

Главной Денискиной обязанностью было кормление кур. Их у бабушки много, разных: серенькие хохлатки, большие белые холмогорские и смешные ещё на высоких мохнатых лапах, как в носках, их ещё бабушка называла бройлеры. Но больше всех и красивше был, конечно, петух. «Певень!» – звала его бабушка. Дениска про себя смеялся – какие смешные имена у этих кур! Петух безбоязненно подходил и брал еду из рук, немножко страшновато склёвывая из протянутой ладошки. Наевшись, куры уходили в тень под сарай и целый день лежали там в мягкой пыли, вырыв под собой глубокие ямки.

По вечерам мама с папой уходили на дискотеку, предварительно уложив Дениску спать. Тётя Оля из соседней палаты присматривала за ним, она была старая и на танцы не ходила, а родители были молодые, и им хотелось попрыгать, как говорил папа. Сначала они брали и Дениску с собой, но ему там было скучно, хотя он молчал и не хныкал, а честно смотрел, как все танцуют. Но однажды он нечаянно уснул, примостившись в уголке, и мама сказала, что уж лучше она сама никуда больше не пойдёт, чем так мучить ребёнка. Однако, на следующий день они ушли вдвоём. А перед этим Дениска слышал, как мама выговаривала папе шёпотом:

– Я и так из-за вас ничего в жизни не вижу. Всю молодость на вас истратила. Старухой уж стала!

Дениска хотел возразить, что мама ещё вполне молодая и красивая, но передумал, опасаясь, как бы мама снова не рассердилась. Он залез под одеяло с головой и притворился спящим, они поверили и ушли.

Тоска для маленького сердца – это целый комплекс образов и чувств. Лёжа в постели и слушая стрёкот кузнечиков, которых здесь почему – то называют непонятным словом цикады, Дениска вспоминал: «Чарлик, милый Чарлик, лапка у тебя, наверное, совсем зажила... Поросёнок Борька тоже, видно, вырос и еле помещается в загоне. Надо загон расширять. А у Зорьки скоро будет маленький телёночек и она ходит медленно, важно и дышит с шумом, словно жалуется, как ей тяжело... Как вы там без меня?» Так думал Дениска, один в тёмной комнате, там у моря, куда надо ехать целых два дня в скучном душном поезде, а потом на электричке, а напоследок толкаться в битком набитом автобусе.

В то утро, в столовой санатория, сидел он тихо, равнодушный ко всему, ел без аппетита.

Мама не кричала, как бывало, дома, а культурно шептала:

– Ешь! Боже мой! Да ешь ты!

И все, конечно, повернулись к ним и страшно удивились, когда такой воспитанный мальчик вдруг закричал на всю столовую:

– Не хочу я этого вашего моря! Не хочу! Отвезите меня в деревню!

Дорога верности

Полуденное солнце нещадно палило за стенами вокзала, а здесь, в зале ожидания, было прохладно и даже сумеречно. Свободных мест не было, народ сидел везде: на подоконниках, на батареях парового отопления, на баулах и просто на полу, подстелив под себя газету.

Ольга долго осматривалась, пока не решилась пристроиться в уголке возле газетного киоска, она поставила сумку на бетонный пол, устало прислонилась к прохладной стене.

Вокруг неё текла привычная вокзальная суэта, разноголосый шум электричек и разговоры людей, скрип тележек носильщиков и плач детей, но она, казалось, ничего этого не замечала, словно вокруг неё возник вакуум и отгородил её от окружающего мира. События последних дней настолько вымотали её физически, но ещё больше душевно, что она чувствовала себя опустошённой. Больше всего ей хотелось лечь лицом к стене, чтоб никого не видеть и не слышать, так ей было тошно и плохо.

...Им кричали «Горько!», она целовала его и плакала от счастья. Сколько она себя помнила, всегда любила Игоря. Он был кумиром её девичьих грёз, хозяином её судьбы, по нему она сверяла свои поступки, перенимала его привычки, манеру одеваться и ходить. Всё в нём было по сердцу: как он говорит, слегка встряхивая копной рыжих волос, как шикарно носит галстуки, она знала, в какой читальный зал он ходит, каких писателей предпочитает, какие стихи любит. И она читала те же книги, учила наизусть «его» стихи, проговаривая их на ночь, как молитву.

Она не видела никого, не слышала песен и поздравлений, не понимала происходящего, была словно во сне, и знала только одно – он здесь, он рядом и он – мой. «Мой» – это слово стало символом её любви, она не могла представить рядом с ним другую женщину, не могла вообразить, что он может кого-то ещё так обнимать, что захватывало дух, смотреть в глаза ласково и восхищённо, трогать волосы, класть руки на плечи. Нет, он не может, он не должен, и хотя она знала, что он и не будет этого делать, но от одной только мысли, ей делалось плохо.

– Дочь, успокойся! – увещевала её мать. – Будь просто счастливой.

А она и была счастливой, когда не думала об этом. А ещё была бы счастливее, если бы исчезло то маленькое облачко с горизонта их любви.

...Они встретились всё-таки в библиотеке, куда она ходила следом за ним вот уже три года подряд. Он учился на третьем курсе юрфака, а она заканчивала десятый класс, и хотя времени у неё было в обрез, находила минутку, чтоб хоть издали поглядеть на него. Зима в том году выдалась на редкость холодная и снежная, Оля от мороза раскраснелась и была особенно хороша в белой вязаной шапочке и толстом свитере с оленем на груди. Она привычно поискала его глазами и, не найдя, забеспокоилась, в панике завертела головой, вдруг испугавшись, что опоздала, и он ушёл. Неудача так расстроила её, что она с досады заплакала.

– Вам плохо? – Он подошёл неслышно сзади, легонько тронул её за плечо.

Она резко обернулась, но увидев родные рыжие кудри и удивительные зелёные глаза, рассмеялась.

– Уже нет!

Он с интересом глянул на неё, пожал плечами. Её сияющие глаза с пролившимися слезинками вызвали у него ответную улыбку. Какая же у него была улыбка! Она бы жизнь отдала за эту улыбку!

Он уходил. Она догнала его, и как в омут с головой.

– Можно я вас провожу?

Он опешил от её вопроса, но она увидела искорки интереса в его глазах и восхищения, что придало ей решимости, а так хоть сквозь землю от стыда провалиться. Они молча оделись и, не сговариваясь, пошли пешком по тёмной улице в её сторону, словно он знал, где она живёт.

Он потом смеялся, что его любовь вела. С ним хорошо было даже молчать, и она согласна было идти за ним куда угодно, лишь бы он вёл. Она украдкой разглядывала его лицо, хотя думала раньше, что знает его до мельчайших подробностей, но, она ошибалась, оказывается, у него тонкие, как у девушки, брови, ресницы, хоть и короткие, но густые, и оттого зелёные глаза кажутся тёмными, подбородок твёрдый, но не резкий, а с ямочкой, а губы, ох, эти губы! Она любила это лицо до спазмов в горле, до крика, до потери сознания.

– Давайте познакомимся, а то неудобно так идти, – наконец проговорил юноша.

– Вас зовут Игорь, я знаю, – стараясь быть как можно бесшабашнее, выпалила Ольга, хотя сердце билось где-то в желудке. – А я Лёля.

– Лёля? Это как?

– Лёля, значит, Оля. Меня все домашние так зовут и в... школе... – Она застеснялась, сейчас он фыркнет – школьница... Лёля... Но лукавить и кокетничать она не умела и теперь боялась, что ему сразу станет неинтересно и он уйдёт.

Но Игорь неожиданно рассмеялся

– А я вас буду звать Лёлечкой, у вас такое уютное имя.

Незаметно они дошли до её дома, постояли, поговорили, Игорь снял перчатку, дотронулся тёплой рукой до её щеки и забеспокоился.

– Вы совсем замёрзли, быстро домой! – Он подтолкнул её к двери, но увидев её лицо, улыбнулся. – Завтра у памятника Пушкину в шесть.

Она пулей взлетела на пятый этаж, стрелой промчалась через прихожую в зал, из окна которого открывался чудесный вид на парк, ледяную горку с малышнёй и троллейбусную остановку, но Игоря нигде не было видно. Она огорчённо вздохнула, но тут же сердце её запело от счастья – он сказал: «Завтра в шесть!»

Он очень хотел ребёнка, а она не понимала, почему никак не может забеременеть, ведь дети должны рождаться от счастья, а она была счастлива, очень счастлива! Они ходили по врачам, ездили вдвоём на море – всё безуспешно. Врачи говорили: «Вы здоровы, у вас всё благополучно, ждите». И она ждала. Для неё рождение ребёнка превратилось в навязчивую идею, и как неистово она любила мужа, так же неистово хотела от него ребёнка. И это желание доказать себе, а, может, Игорю, а, может, всему свету, что она нормальная, здоровая женщина, сделало её жизнь мучительной и тревожной.

Эта женщина пришла полгода назад, в ранних сумерках, когда муж ещё не пришёл с работы. Миловидная, молодая, она улыбалась и правой рукой поддерживала огромный живот.

– Вы Оля, – не спрашивая, а как бы утверждая, проговорила она. – Можно войти? Мне необходимо поговорить с вами.

Необъяснимая тревога, перерастающая в панику, захлестнула всё её существо. Она посторонилась, пропуская непрощенную гостью вперёд. Где-то в глубине сознания возникла мысль, что от прихода этой женщины будет зависеть вся её дальнейшая судьба. А, может, не стоит пускать её в свой дом, но женщина уже вошла и неторопливой походкой направилась в гостиную и долго умищивалась в кресле со своим большим животом. Ольга терпеливо ждала, хотя изнутри всё её существо трепетало от предчувствия беды.

– Я жена Игоря, – буднично сказала она, получая удовольствие от того, какое впечатление произвели её слова на хозяйку. Не дождавшись ответа и по-своему истолковав её молчание, уже с вызовом добавила, глянув на выпирающий живот. – И ребёнок этот – его.

– Игоря?... Вы... вы... хотите сказать... сказать – это ребёнок Игоря?

«Он не мог со мной так поступить, не мог! – молнией пронеслось у неё в голове, но она тут же оборвала себя. – Я чувствовала... чувствовала... не может быть так много счастья... Я сглазила наше счастье!»

– Он, видимо, вам ничего не говорил, а мне скоро рожать и я не хочу, чтоб мой ребёнок рос без отца, я требую развода!

– Вы? Развода? – от растерянности у Ольги даже перехватило горло.

– Ну, не я, конечно, а Игорь, ведь это он состоит с вами в браке, – поправились дама. – Он боится вам сказать, опасается, что вы... ну, как бы это сказать... жизни его лишите... уж больно вы неумная...

Ольга решительно встала, её трясло.

– Я прошу вас уйти, – голос от перенапряжения зазвенел и осекся. – Своё дело вы уже сделали, остальное мы с мужем решим сами.

Она сознательно сделала упор на слове «муж» и первая пошла к выходу, но гостя уходить не спешила, поднималась медленно и неохотно, явно разочарованная разговором, было видно, что она добивалась скандала, но получив в ответ лишь сдержанность и молчание, не знала, как дальше себя вести, а Ольга, распахнув дверь, терпеливо ждала, когда женщина уйдёт.

Ольга стояла у окна и смотрела, как незнакомка садилась в машину. Слёз не было. На неё напало оцепенение, внутри всё заледенело, и твёрдый ком застрял в горле, мешая дышать.

Она с нетерпением ждала мужа и боялась его прихода. А вдруг всё это правда, хотя и не может быть правдой. Нет, нет... Она бы почувствовала... Тогда почему?... Кому это нужно и зачем? Кому это выгодно... Посмотреть ему в глаза... Нет!

За семь лет совместной жизни их отношения почти не изменились, поулеглась слишком бурная страсть, но осталась пылкая любовь, нежность, желание ежесекундно баловать друг друга, говорить смешные и трогательные слова. Игорь помогал ей учиться в институте, бегал с ней по врачам, сдавал многочисленные анализы, готов был делать, что угодно, лишь бы у них появился ребёнок, уговаривал её не волноваться, вселял уверенность в том, что у них ещё всё впереди. Нет, он не мог с ней так...

Хлопнула входная дверь, Игорь бросил ключи на столик в прихожей, зажёл свет

– Лёлочка! – Он появился в дверях такой родной и близкий. Она, не разбирая дороги, роняя стулья, кинулась к нему, обхватила за шею, и бурный поток слёз захлестнул её.

– Лёлочка, родная! Милая! Что с тобой? Что? Что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.